

Весь вечер на манеже...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Права, 1983, 16 мая

КЛОУН — орган речи цирка, его живое слово. Без клоуна цирк нем. Крутят «солнце» гимнасты на турнике, перелетают с трапеции в руки ловителя воздушные асы, чертит в воздухе замысловатый прыжок акробат, легко ступает вверх по незримой дорожке канатоходец, мчатся наездники на горячих конях. Разноцветная карусель номеров и трюков свивается в музыкальном каскаде в одно сверкающее кольцо внутри манежного круга...

Давным-давно известно: цирк звучит и без слов. Даже клоунада долгое время оставалась мимической, разговаривала, словно на пальцах. Каждый клоун приходил в цирк своей дорогой. У каждого был свой опыт жизни. Но традиционные маски и «общий репертуар» гасили индивидуальность. Редкому таланту удавалось, хотя бы и мимически, пробиться сквозь стереотипы и высказать свое. Клоунаду лишали голоса. Королевские шуты имели право говорить своему повелителю правду. Но цирковые клоуны из года в год поливали друг друга ведрами воды и помалкивали. Лишь немногие из них и безмолвствуя могли смеяться мудрым смехом. Не забудем: клоуном называл себя и Чарли Чаплин.

Одни клоуны довольствовались привычным ходом жизни. Другие подумывали о чем-то ином. Персонаж романа немецкого писателя-антифашиста Ульриха Бехера «Охота на сусликов», прославленный клоун-наездник Косто Гиакса пришел в цирк из артиллерийского полка австро-венгерской армии, где служил в чине оберлейтенанта. Его уволили в резерв за вольнодумство. Позже, гастролируя по странам Европы, он выступал на манежах Швейцарии.

Вот Гиакса выезжает на коне в экзотической форме полковника неведомых войск — кофейный мундир, небесно-голубые шаровары. Его фиолетовый нос, величиною с кулак, победоносно задран вверх. Кивер увенчан метровым султаном, сабля в ножнах так длинна, что царапает песок. Конь спотыкается о саблю. Гиакса, словно подброшенный пружиной, вылетает из седла, делает в воздухе сальто и снова оказывается на лошади. Это начало. Затем он один показывает жизнь артиллерийского полка, весьма похожего на тот, в котором служил сам. Он не только полковник, но и трубач, канонир, капрал, лейтенант и капитан. Каждый из них охарактеризован метко и броско. Создана сатирическая галерея военных чинов армии времен Франца-Иосифа — той самой, какую впоследствии представит читателю Ярослав Гашек в романе о brave солдате Швейке. Не хватает лишь его самого, Швейка, но ведь это — сам клоун. Однажды всемирно известный Эгов Эрвин Киш, публицист-коммунист, «нейстовый репортер», заметил: «Читая «Швейка», смеяться, но при этом не забывайте думать». Это пожелание применимо и к клоунаде, при одном-единственном условии — если она располагает к такому

процессу. Клоун Гиакса погиб в дни второй мировой войны в концлагере Дахау...

...**НО ВЕРНЕМСЯ** к началу века. Революционное движение в России и в Западной Европе влияло на все виды искусства. Цирк становился демократичнее. Клоунада к тому времени достигла высокого профессионального уровня. Достаточно назвать имя Вилли Грока с его скрипочкой. Он создавал на арене вариант «рыцаря печального образа», странный, но привлекательный. Были и другие известные мастера, соло и парные клоуны, но цирк по-прежнему безмолвствовал. Никто из клоунов начала века не мог возвысить арену до уровня общественной трибуны.

Нет, впрочем, один нашелся. И это был русский клоун. Его звали Анатолий Дуров

(вместе с братом Владимиром он и основал знаменитую династию). Однажды, юношей, Анатолий услышал от своего крестного, юриста и драматурга, такое определение: «Клоун живет тем, что умеет казаться более глупым, чем он есть на самом деле». Фраза запала в душу, вызвала протест. А ведь можно, наверно, и иначе. Так родился первый в мире клоун-публицист. Люди того времени подтверждают поразительный факт: слава Анатолия Дурова была не меньше, чем у Шалыпина. Вот что такое говорящий цирк! Он впервые от своего рождения получил орган речи, заговорил без нарочитого иностранного акцента, не тоненьким голоском дурашливого недотепы, а полным голосом обличителя, балагура, остроумца и забияки. Анатолий Дуров не был ни «красным», ни «розовым» и даже не ходил рядом с ними. Он был одним из тех интеллигентов старого времени, кто не захотел томиться в собствен-

ном соку. Он обличал губернаторов, царских чиновников — взяточников и бюрократов.

Писал он свои монологи и репризы в рамках буржуазного критического реализма, обостряя как только можно бытовую сторону и нередко поднимаясь до политической сатиры. Все было неожиданно, эффектно, горячо и смешно. Но сам клоун, как личность, уже не был смешон. Он говорил о себе: «Я не шут королей, но король шутов».

Умер Анатолий Дуров в 1916 году, а спустя год на манежах цирка клокотали первые митинги революционного народа. Арена, с ее круговым обзором, обращенным на все четыре стороны света, и купольным резонатором, давно ждала громовых речей и митинговых лозунгов. Теперь предстояло найти им образное воплощение, подготовленное филигранной техникой исполнения. На манеж пришли последователи дуровского стиля, а среди них ставший вскоре знаменитым Виталий Лазаренко. Он спаял в целостное выступление, казалось бы, несовместимое: прыжки и слово. Клоун-прыгун доказал, что в искусстве все соединимо. Отторгается только бездарное, фальшивое, вульгарное. Хотя в основной массе клоунада оставалась консервативно стойкой, но я сам помню, как в курском шапито на Георгиевской площади братья Ганти — худой, нервный Леон и вальяжный Константин с помощью музыкальных инструментов выразительно имитировали манеру и даже характер речей делегатов разных стран на заседаниях Генуэзской конференции. Надо было слышать и видеть, как бушевал в такие моменты цирк, как вращалось ему это дуновение ветра «с улицы».

В Москве в первые годы Советской власти была создана Студия цирка, своеобразное кафе, где происходили диспуты на профессиональные темы. Сохранилась запись выступления Луначарского — участника одного из таких собраний. Он сказал: «В обновленном цирке клоун должен иметь высокий в своем комизме репертуар. Клоун смеет быть публицистом. Его великий праотец — Аристофан. И сатира клоуна, народного шута, должна быть целиком правдива, остра и глубоко демократична».

...**И** ВОТ сегодня смотрю и слушаю клоунады. Одну за другой. Есть среди них смешные, а бывает, и не улыбаешься. Но все они, за редким исключением, какие-то... инопланетные. На земле происходит много смешного и печального, радостного и горького. А цирковые клоуны либо пародируют серьезные номера, либо разыгрывают тривиальные сценки. Если они вызывают дружный смех — прекрасно. Давно сказано: смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно! Наказать чванливого глупца, опрокинув ему на голову кремовый торт, — в сущности неплохая идея, во,

увы, не новая. Жаль тратить время на банальности. Клоунада — искусство экономное. Да и вообще, цирк — это искусство экономить время при полной выкладке первоклассного умения. Что такое грация, изящество? Это — достижение цели при максимальной экономии движений. Вкус, воображение, темп — три кита, на которых держится цирковое представление. Говорят, о вкусах не спорят. Это верно только для вкусов хороших. С плохими нужно спорить, и еще как!

В клоунаде, к сожалению, до сих пор преобладает элемент мимический. Клоуны работают во всех жанрах. Они, как я уже сказал, пародируют разнообразные номера, играют миниатюрные скетчи без слов или только с междометиями, выкрикиваемыми ломаными голосами. Сценка зависит от уровня исполнения, может быть и хорошей, и плохой. У нас речь о другом.

Талантливое обращение к политике, в том числе и международной, легко приживается в цирке. Только бы не было оно чужеродным самой природе клоунады. Только бы не возникало натужно, а проявлялось свободно и естественно как продолжение возможностей номера.

Многие сделали в цирке выдающиеся клоуны, такие, как Карандаш, Юрий Никулин, Олег Попов, Леонид Енгiba-ров, Константин Мусин... Разумеется, они далеко не исчерпали возможностей клоунады. Время идет, открывает новые пласты злободневности. Интерес к большим событиям внутренней и международной жизни возрос необычайно. Когда происходила Крымская война, скажем, где-то в Сибири даже и не знали, что Россия воюет — пока до нее доскачат фельдъегеря. А теперь события в Южной Атлантике или на далеких Сейшельских островах волнуют всех нас, и мы утром спешим включить радио или развернуть газету — что там произошло за сутки? Политика, хочешь не хочешь, врывается в каждый дом. И потому ее элементы на цирковой арене не только уместны, но и оправданы спросом самой жизни. Каким же должно быть слово в цирке? Скупым, точным, выразительным. Длинные рацеи и в лекциях набили оскомину. Шаблонные, пустые речи и на собраниях никто не слушает, выпрорванная декламация никому не нужна.

Недавно смотрел программу в старом уютном цирке на Цветном бульваре. Она называется с оттенком полемики, даже вызова: «Я работаю клоуном». В подтексте прочтывается: «Никакой я не особенный, а такой же, как и вы, зрители. Просто работа у меня такая». И, как бы подтверждая этот смысл названия, человек «нормального» вида, в заурядном костюме, после вступительной песенки быстро, на глазах у публики, превращается в клоуна — накладывает на лицо грим, меняет одежду — теперь у него совсем другое обличье.

Перед нами — Андрей Николаев, работающий клоуном. Он

исполняет главную роль этого эксцентрического спектакля, он его автор и постановщик. Режиссерское его мастерство бесспорно: об этом говорят номера программ. Большинство из них связано между собой неожиданными, но не шаткими мостками. Все они сюжетны. Ювелирно отгранен «Партерный полет «Кадриль» во главе с талантливым Вячеславом Шатиным. Вот где видно умение создать за считанные минуты законченный и вместе с тем противоречивый образ наивно-надутого тщеславия, однако же оснащенного не только желанием прихвастнуть, но и способностью показывать товар лицом. Вкус, воображение, темп правят программой.

Номер «Акробаты на батуте» вдруг соединился с традиционной сценкой, где один, обманяемым движением отвлекая внимание другого, вытаскивает из-под него стул. Клоуны-акробаты наряжены в одежды знати — здесь подагрический сановник, важный генерал, кардинал с постной миной, дама в придворном платье и другие. Батут подбрасывает их на верхнюю площадку, где установлено министерское кресло, а может быть, даже подобие трона. Идет борьба за власть. Одив за другим слетают вниз претенденты на «верховный пост». Персонажи не выходят из образа при любых обстоятельствах. Генерала в экзотическом мундире, с орденской лентой через плечо позорно гонят с высокого места. Батут вышвыривает его за манеж, он оказывается верхом на перилах прохода и дает им шпоры... Чехарда дворцовых переворотов передана блестяще. Метафора развернута и отделана в жестах, мимике и комментариях. За ней, за этой серией подвожков, обманных движений, разъяренной и комической решимости каждого сохранить для себя вожаемое кресло, угадывается прямо-таки свифтовская сатира. Вспомнились прыжки и гимнастика чинов королевского двора в Лилипутии. Подумать только, вот какое зрелище можно увидеть в цирке — картинную характеристику социального врака старого общества. Перенесенная в современность, она легко вызывает в памяти прямо-таки цирковые схватки за «теплое местечко» в избирательных кампаниях за океаном...

В центре всей программы — Андрей Николаев, обладатель «Золотой маски Грока», которая присуждается лучшим клоунам мира. Работает он виртуозно. Никто, разумеется, не призывает превращать все цирковые программы в комедийные. Но найденное в этом спектакле нельзя растерять. Андрей Николаев и другие стоят в двух шагах от публицистической клоунады. Необходимо пойти вперед, сделать эти два шага — к Дурову и Лазаренко. Пора обрести утраченное и заговорить полным голосом... Представление начинается. Свет — на манеж, оркестр — марш!

Александр КРИВИЦКИЙ.